

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК

Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ V

ЛЕНИНГРАД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1980

Дождь, вода и растительность на могиле доисламских арабов

В древнеарабской поэзии поэт, желая выразить оплакиваемому покойному свои теплые чувства и хорошее отношение, часто высказывает пожелание, чтобы дожди обильно орошали его могилу. Иногда к этому пожеланию присоединяется еще и другое: чтобы благоухающая растительность пышно произрастала на ней. С другой стороны, когда поэт хочет оттенить свою недоброжелательность и враждебность к покойному, он посылает ему проклятие, говоря, чтобы дожди не проливались над его могилой.

Приведу несколько примеров.¹ В Ḥamāsa (ed. Freytag, p. 391) приведены следующие стихи Muṭṭi' ibn Ajās'a:

Сказал я туче стонущей тяжелой,
 Потокотк льющейся обильным, сильным:
 Направься на могилу, что я называю,
 Излейся там ты на могиле этой;
 Скупиться ведь не будет справедливо
 Для юноши, при жизни не скупого!²

¹ Примеры, сюда относящиеся, приведены в большом количестве у I. Goldziher'a в его работе: «Wasser als Dämonen abwehrendes Mittel», Arch. f. Religionswiss. XIII, 1910, p. 20 sq.

قُلْتُ لِحَنَانَةٍ دَلُوحٍ * تَسُحَّ مِنْ وَاِبِلٍ سَكُوحٍ
 أُمِّي الضَّرْبِجِ الَّذِي أُسَمِّي * ثَمَّ أَسْتَهَيْتِي عَلَى الضَّرْبِجِ
 لَيْسَ مِنَ الْعَدْلِ أَنْ تَشِجِّي * عَلَى فِتْنَى لَيْسَ بِالشَّحِيحِ

В *Opuscula Arabica* (ed. Wright, p. 115, 15 sq.) мы читаем стихи одного бедуина:

О, мои два друга! если я умру, а вашу
Участь далеко отсрочит время,
Проходите мимо моей могилы, задержитесь и привет пошлите
И скажите: пусть Аллах тебя дождем напоит, о могила!¹

У поэтессы *al-Hansā* (ed. Cheikho, 1896, p. 219) находим следующие стихи:

Да напоит Аллах могилу, кости скрывшую его
И душу, сильно льющимся дождем обильным!²

С другой стороны, мы видим, что поэт *Ġeġir*, враждовавший с племенем Нумейр, направляет по его адресу такие слова:

Да не благословит Аллах сынов Нумейра.
И пусть не напоены будут их могилы тучей!³

У доисламского поэта *an-Nābigha* (ed. Ahlwardt, 21, 26—28) мы находим наряду с пожеланием о дожде и пожелание о растительности. Так мы у него читаем:

Дождь да напоит могилу между Джасимом и Босрой,
Дождь весенний, брызжащий по каплям или ливнем льющий;
Базилик, амбра и мускус да струятся непрестанно
На края могилы этой, как обильный частый дождь;
Да взрастит дождь неюфары, благовонную траву
О которой лучше говорящего любого я скажу!⁴

خَلِيلِيَّ اِمَّا مَتَّ يَوْمًا وَّ زُحْنِكْتُ * مَنَايَاكُمَا فِيمَا يَبْرَحُجِحُه الدَّهْرُ¹
فُمْرًا عَلَى قَبْرِى فَعُوجًا فَسَلِمَا * و قَوْلَا سَقَاكَ اللّٰهُ بِالْغَيْثِ يَا قَبْرِ
سَقَى اللّٰهُ ضَرْحًا جَنِّ اعْظَمَه * و رَوْحَه بَعَزِيْزِ الْمُنِّ هَطَّال²

См. *ibid.*, p. 15:

سَقِيَّا لِقَبْرِكَ. مِنْ قَبْرِ وَلَا بَرَحْتُ * جَوْدُ الرِّوَاعِدِ تَسْقِيَه و تُتَحْتَلَبُ

³ *Naqā'id*, ed. Bevan, vol. I, p. 443, 16:

فَلَا صَلَّى الْاِلٰهَ عَلَى نَمِيْر * وَلَا سَقِيْتُ قَبْرِهِم السَّحَابَا
سَقَى الْغَيْثُ قَبْرًا بَيْنَ بَصْرَى و جَاسِم * بَغِيْثٍ مِنَ الْوَسْمَى قَطْرٌ وَّ اِبْلُ⁴
وَلَا زَالَ رِيْحَانٌ و مِسْكٌ و عَنَبْرٌ * عَلَى مُنْتَهَاهُ دِيْمَةٌ ثَمَّ هَاطِلٌ
و يُنْبِطُ حَوْذَانَا و عَوْفًا مُنَوَّرَا * سَأْتِعُه مِنْ خَيْرِ مَا قَالَ قَائِلٌ

Пожелание о растительности встречаем также у доисламского поэта 'Aus ibn Ḥajar. Так он говорит:

Пусть не перестанут мускус, базилик душистый
 Пролиться над тобой прохладно-чистой струей;
 Чтоб и вечером и утром напоить твои останки,
 Чтобы возвышаясь тенью густой осенять твою могилу!¹

О базилике на могиле говорит и Labid.²

Это выражение древнеарабских поэтов утратило уже очень рано (возможно, что еще в доисламское время) свой первоначальный смысл, но в силу одной только традиции продолжало очень долго сохраняться и перешло даже, как переживание, почти без изменений в новейшую арабскую литературу.³

Разные предлагались объяснения этому своеобразному выражению. Так напр., Th. Nöldeke считал, что «такие выражения могут быть просто figures of speech, относящиеся к той зелени, которой могила имеет быть покрыта».⁴ Sartori полагал, что вода на могиле должна была служить средством, чтобы «отогнать и успокоить покойника, хотя иногда она могла еще иметь значение жертвоприношения и напитка».⁵ Goldziher, исходя из существующего у арабов, как и у многих других народов, представления об апотропеистической силе воды, считал, что дождь и вода на могиле должны были предохранять покойника от дурного влияния злых духов. «Durch die häufige Anwesenheit des Regens am Grabe mögen von demselben die bösen Einwirkungen verscheucht werden, vor denen man auch den Verstorbenen schützen will».⁶ Вопрос же о растительности на могиле он оставляет без объяснения. Мнение Goldziher'a с правом оспаривает Baudissin, но и предложенное им объяснение не более убедительно. Baudissin полагал, что арабские поэты, выражая свои пожелания о дожде и

لا زال مسكاً و رُبْحَانٌ له أَرْجٌ * يَجْرِي عَلَيْكَ بِصَافِي الْوَن سَسْأَلِ
 يَسْتَقِي صَدَاكَ وَمُؤَسَاةَ وَ مُصْبِحَهُ * رُقْعَا وَ رَمْسُكَ مَكْفُوفٌ بِأَطْلَالِ

R. Geyer. Gedichte und Fragmente des 'Aus ibn Ḥajar. S. B. d. Wien. Akad. phil.-hist. Cl., CXXXVI. Bd., XIII Abh., 1892, XXXII, 16—17. См. там же (XXXIII, 5):

لا زال رُبْحَانٌ وَ قَعْوُ نَاصِرٍ * يَجْرِي عَلَيْكَ بِمُسْبِلِ هَطَالِ

² Jacob. Altarabisches Beduinenleben, p. 143.

³ См. I. Goldziher, o. c., p. 20.

⁴ Th. Nöldeke, статья «Arabs» в Hastings' Encycl. of Relig. a. Ethics, vol. I, p. 672^b.

⁵ Sartori. Das Wasser im Totengebrauche. Ztschr. d. Ver. f. Volksk., 1908, p. 367.

⁶ I. Goldziher, o. c., p. 44 sq.

растительности, «denken dabei vielleicht an eine Reinigung, die das Wasser hier wie in andern Fällen bewirken solle, aber doch wohl auch an das Grün, das auf dem Grabe wachsen werde; dieses ist ihnen dann wahrscheinlich das Bild eines Fortlebens der Verstorbenen».¹ Это на первый взгляд стройное объяснение страдает тем недостатком, что примитивному мышлению, каковым в значительной степени было мышление доисламских арабов, приписываются категории слишком абстрактные, далеко ему не свойственные.

Я считаю, что генезис рассматриваемых нами выражений кроется в конкретном и наивно-материалистическом миропонимании древних арабов, в их воззрениях на душу, смерть и на судьбу души после смерти человека.

Дело в том, что по весьма распространенному среди примитивных народов представлению покойник, пока мясо цело на нем, вовсе не считается действительно умершим: он еще продолжает все видеть, все знать и все чувствовать. И в этом нет ничего странного и нелогичного: ведь его состояние очень напоминает собою подобные состояния сна, обморока и летаргии! ведь внешностью своей он ничем не отличается от окружающих его соплеменников! а неизбежность и естественность смерти далеко еще не осознаны! Надо, поэтому, окружить его должным вниманием и заботой, его собственность, включая и жену, должна быть неприкосновенна, имущество бережно охраняемо, хозяйство вестись толково, иначе можно навлечь на себя его гнев и недовольство, которые могут выразиться в причинении зла живым, в особенности близким. Душа, которая мыслится, обыкновенно, материальной, чувственной и к тому еще озлобленной, находится недалеко от него и в свою очередь также нуждается в уходе. Она должна быть во время и как следует накормлена, напоена и согрета. С другой стороны, многие народы верят, что пока мясо совершенно не истлело, душа все еще находится в тесной и неразрывной связи с телом и никак не может, поэтому, проникнуть в царство теней, в свое последнее обиталище.

Проиллюстрирую сказанное некоторыми примерами. На о-вах Ару все имущество покойника собирается на его могиле и его родственники должны носить туда ежедневно пищу до тех пор, пока все мясо на костях не сгниет и кости не будут перенесены на семейное кладбище. Переносу костей предшествует пиршество и эта церемония дает формальное право вдове выйти замуж вторично.²

¹ Baudissin. Adonis und Esmun, 1911, p. 437.

² E. S. Hartland, статья «Death» в Encycl. of Relig. a. Ethics, vol. IV, p. 442^a.

На о. Тимор несколько дней после смерти вождя кости тщательно очищаются от мяса, которое бросается просто в пещеру. И лишь только тогда, когда кроме скелета ничего не остается, начинается оплакивание покойника, так как до этого он не считается умершим («for it is only then that the dead is dead indeed»¹).

На о. Целебесе верят, что душа не может проникнуть в царство душ пока тело издает зловоние, т. е. пока мягкие части совершенно не исчезли. «Пока душа воняет — говорят они — она все еще человеческое существо и жители селения душ не пускают ее на свою территорию».²

Караибы также полагают, что душа не может войти в страну душ до тех пор, пока мясо на покойнике еще цело.³

Греческая церковь в своей погребальной молитве просит, чтобы тело как можно скорее разложилось на свои составные части. Спустя три года после погребения, тело выкапывалось и если его находили совершенно уничтоженным так что кости могли быть перенесены в оссуарий, это рассматривалось народом как доказательство того, что душа умершего в покое. Частично только или совсем не разложившееся тело, наоборот, указывало на греховность и печальное положение покойника. Всеобщее проклятие соответственно этому гласит: «Да не разрушит земля твоего тела».⁴

На этом представлении основан практикующийся у очень многих народов во всех частях света обычай вторичного погребения. Как я уже доказал в другом месте, вторичное погребение является ничем иным, как особым способом погребения, именно таким, при котором покойник хоронится только тогда, когда он превращен в скелет, так как до этого он еще не считается действительно умершим. Первичное погребение, которое рассматривалось всеми, как самостоятельное погребение, вовсе не есть, таким образом, погребение в собственном смысле слова, т. е. отправление покойника в загробный мир, а является только подготовительной стадией ко вторичному, т. е. настоящему погребению, известным обхождением с покойником, имеющим целью тем или иным способом вызвать уничтожение мяса

¹ Ibid.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Abbot. Maced. Folkl., p. 210.

и тем самым освобождение души от ее телесной оболочки и наступление подлинной смерти.¹

Это же представление существовало у древних арабов, а также у евреев талмудического периода.²

Из этого представления неизбежно вытекает, что надо принять все меры к тому, чтобы мясо разложилось и как можно скорее. Этим будет достигнуто, с одной стороны, благополучие души: она успокоится и беспрепятственно войдет в селение душ, а, с другой стороны, и благополучие живых: они избавятся от излишних забот и вечного страха сделаться жертвой гнева покойника. Меры возможны двоякие: естественные и искусственные. К первым надо отнести практикуемые многими народами погружение покойника на время в воду, помещение его в муравейнике, выставление на подмостках, погребение на время в земле и т. д. Ко вторым относятся менее распространенные обычаи выкапывания покойника спустя несколько дней после погребения и сдирания мяса с костей, сжигание и съедение мяса и т. д.

Одной из мер, применяемых разными народами для ускорения процесса разложения тела является поливание могилы или тела покойника водой. Так напр., в Ашанти (Африка, Золотой берег) начальник хоронится первоначально в земле и его могила ежедневно поливается водой, чтобы очистить кости от мяса. После нескольких недель кости выкапываются уже совершенно чистыми, кладутся в ящик и прячутся.³

На о-вах Малайте и Бауро (Меланезия, Соломоновы о-ва) верят, что даже «ghost of power» бессилен до тех пор, пока тело покойника продолжает пахнуть. Поэтому, чтобы ускорить гниение, они выставляют покойника на воздух, погружают его в озеро или поливают водой.⁴

Очень возможно, что и древние евреи прибегали к воде, как к средству ускорить разложение тела. Так в иерусалимском талмуде, в трактате Mo'ed qatan I, 80° говорится: «Сначала хоронили их (покойников) в mahamōrōth; когда же мясо исчезало, собирали кости и хоронили их в кедрах».

¹ См. мою работу: Die Doppelbestattung und die Überreste des Kultes der Zeder. Mitt. d. Wien. Anthr. Ges., 1930, pp. 209—231.

² См. мои работы: Траур вдовы и обычай iftiqād у доисламских арабов. ДАН-В, 1928, p. 39—43 и Die Doppelbestattung und die Überreste des Kultes der Zeder.

³ Gundert. Vier Jahre in Ashantee, 1875, 2. Aufl. p. 127; Ellis. The Tshi speaking people of the Gold Coast, p. 266.

⁴ Codrington. The Melanesians, 1891, p. 263.

Если мы темное и до сих пор необъясненное слово «*maḥamōgōth*», встречающееся один раз в библии (*Psalmi*, 140, 11) и два раза в иерусалимском талмуде (*Mo'ed qāṭan I*, 80° и *Sanhedrin IV*, 23^d), поставим в связь с арабским глаголом *h'm'g'a*, оно должно будет означать 'пруд, бассейн или водоем', куда на время погружался покойник для того, чтобы мясо исчезло. За правильность такого толкования говорит следующее. В Мишне *Mo'ed qāṭan I*, 6 сказано: «Не роют ниш и гробниц в праздник, но разрешается закончить (или освятить) ниши в праздник; разрешается делать *nibrekheth* в праздник и гроб на дворе у покойника».

Значение слова «*nibrekheth*» не вызывает никаких сомнений. Оно является синонимом с библейским «*berekha*» и арабским «*بِرْكَة*» и означает 'водоем, бассейн'. Точно также из контекста совершенно ясно, что этот бассейн делался для похоронных целей.

Есть указания на то, что и у вавилонян был обычай поливать могилу водой.¹

Я считаю, что именно в этом представлении и есть генезис пожелания арабских поэтов, чтобы могила орошалась дождем. Обильный дождь на могиле должен способствовать быстрому исчезновению мяса и тем самым успокоить душу, освободив ее от телесных пут.

Только в этом представлении, по моему, первоначальный смысл древне-арабского обычая поливать могилу водой, обычая, который сохранился вплоть до наших дней.²

И только с этой точки зрения нам становится совершенно понятным, почему бедуины *Tijāha* хоронят своих покойников в *Muwejlīh*, за 2—3 дня пути от места своего кочевья, потому что там есть вода³ и почему племена *Arābia Petraea* предпочитают хоронить своих покойников по близости к воде.⁴

¹ См. *Delitzsch. Handwörterbuch*, p. 479 s. v. *prz* и *Baudissin. Adonis und Esmun*, p. 437, Anm. 3.

² О поливании могилы водой у древних арабов см. *Ibn Sa'd. I/I*, 91, 92 (поливание могилы Ибрагима, сына Мухаммеда); *Ibn Sa'd. II/II*, 8, XI, 79 (могилы Мухаммеда); *Ibn Sa'd. III/I*, 149, *Ṭabarī I*, 2131 (могилы Абу-Бекра); *ibid. V*, 194 (могилы Хариджи ибн Зайда). У современных арабов см. *Musil. Arabia Petraea*, III, 425 и *Ḳuṣejr 'Amra*, p. 47; *Jaussen. Coutumes des Arabes au pays de Moab*, 1908, 98; *Goldziher, o. c.*, p. 43 sq.

³ *Jaussen. Coutumes des Arabes*, p. 99.

⁴ *Musil. Arabia Petraea*, III, p. 424 («Findet sich in der Nähe Wasser, so ist dies ein bevorzugter Begräbnisplatz»).

II

Перейдем теперь к пожеланию арабских поэтов, чтобы растительность произрастала на могиле.

Среди примитивных народов широко распространено представление, что душа человека после его смерти воплощается в дереве или в каком-либо другом растении. Так напр., в Коймбаторе (южная Индия) верят, что душа покойника воплощается в терновом дереве, почему после смерти человека под такое дерево ставится пища.¹ На Филиппинских о-вах верят, что души умерших воплощаются в определенных деревьях, которые в силу этого шадятся. Проходя мимо такого дерева, туземцы почтительно кланяются и просят прощения у души за нарушение ее покоя.² Марави Южной Африки рассматривают кладбище, как святое место, где ни дерево не может быть срублено, ни животное убито, ибо в них обитают души покойников.³ Диери Центральной Австралии почитают как священные некоторые деревья, считая их перевоплощением своих отцов. Они говорят с уважением об этих деревьях и заботятся о том, чтобы их не срубили или не сожгли. Если срубят такое дерево, верят они, счастье их покинет и они еще будут наказаны за незащиту своих предков.⁴

Такое же представление существует и у современных арабов. Могилы святых (*wely*) в Сирии и Палестине локализуются чаще всего под каким-нибудь деревом. Деревья эти считаются обиталищем душ святых, их воплощением. Об оливковом дереве, находящемся на могиле святого у *Kassr Rabba* по дороге в Кегак арабы говорят: «Оно обладает чудодейственной силой, ибо оно прогоняет злых духов... *wely* живет в этом дереве. Это дерево посажено на его могиле». «Вся земля, осененная этим деревом, служит его жилищем, — сказал араб о пышном теребинте (*Pistacia terebinthus*), находящемся на могиле святого у *Taibeh*, недалеко от *Hanzireh*, — кроме того, он (т. е. святой) живет также в дереве, в сучьях и листьях». Среди руин римской крепости *Rumeileh* в Моабе растет зеленый теребинт, с кото-

¹ Thurston. *Ethnographic Notes in Southern India*, 1906, p. 154.

² Frazer. *The Golden Bough* (in one volume), 1925, p. 115.

³ Frazer. *The Magic Art*, 1913, vol. II, p. 31.

⁴ *Ibid.*, p. 29.

рого ни один араб не осмеливается сорвать ветку, чтобы не быть пораженным тут же духом святого, живущего в этом дереве.¹

На этом воззрении основан существующий у многих народов обычай погребения покойника под деревом или подвешивание его на дереве, а также обычай засаживания могилы деревьями или цветами. Оба эти обычая имели несомненно первоначально целью дать возможность душе воплотиться и продолжить жизнь в этих деревьях или цветах.

В Китае, напр., с незапамятных времен существует обычай сажать деревья на могилах, чтобы этим укрепить душу покойника. Деревья эти отождествляются с душами покойников.² Карпини пишет, что «Оккодан-хан, отец нынешнего императора, посадил куст за упокой своей души и никто не имел права срезать ни прута от этого куста».³ О якутах сообщает Георги, что «ныне же хоронят они своих умерших в лесах, потому, что они наиболее желают сгнить под деревом, почему многие сами себе выбирают деревья и велят себя у оных похоронить».⁴

В Библии мы также имеем два случая погребения под деревом. Так Дебора, кормилица Ребекки, погребена была под дубом (Genesis, 35, 8), а кости царя Саула и его детей были погребены под тамариском (I Samuelis, 31, 13). Имеются и в Талмуде указания на то, что могилы устраивались под деревьями и засаживались цветами.⁵

У нас имеются данные, позволяющие предполагать, что и древним арабам не было чуждо представление о том, что души покойников находят свое успокоение, воплотившись в растениях. Так у al-Buchārī (ed. Krehl-Juynboll, I, 66 [kitāb wuḍū', bāb 55, 56]; I, 342 [k. ḡanā'iz, b. 82]; IV, 125 [k. adab, b. 46, 49]) мы находим следующее предание: пророк проходя однажды мимо кладбища, услышал из двух могил плачущие

¹ Curtiss. Ursemitische Religion im Volksleben des heutigen Orients, pp. 287, 98, 99; Jaussen, o. c., p. 330 sq.; Frazer. Folk-Lore in the Old Testament, vol. III, pp. 49, 39, 37 sq.; Schwally. Zur Heiligenverehrung im modernen Islam Syriens und Nord-Afrikas. Arch. f. Religionswiss., VIII, 1905, p. 85 sq.

² De Groot. Religious System of China, II, p. 462 sq.

³ Иоанн де Плано Карпини. История монголов, русск. перевод А. И. Малеина, 1910, стр. 11.

⁴ Георги. Описание всех обитающих в российском государстве народов, 1779, ч. II, стр. 78.

⁵ Tos. Nidda VI, 648, 19; Bab. Mo'ed qatan 5^b; Mischna Nidda VII, 5; Mischna Nazir VII, 8; Ohaloth VIII, 2; Bab. Jebamoth 86^b; Toharoth III, 7. См. Krauss. Talmudische Archäologie, II, 77; Perles. Die Leichenfeierlichkeiten, p. 25.

человеческие голоса. Он сказал, что это люди, страдающие в могиле за небольшие прегрешения. Он взял пальмовую ветвь, разломал ее пополам и воткнул в каждую могилу по куску. На вопрос, зачем он это сделал, он ответил: «может быть они от этого почувствуют облегчение!». У него же (I, 342) приведено предание о том, что Бурайда Асламит завещал, чтобы на его могиле посадили две пальмовые ветви. Назначение этих ветвей, по моему, очевидно: они должны принести успокоение душе покойного.

Сюда же должен быть отнесен сообщаемый Musil'ом факт, что когда бедуин видит цветущее растение, он его срывает и кладет на могилу (Arabia Petraea, III, 450).

Идея о связи между душой покойника и растением на могиле особенно ярко и последовательно выражена в представлениях древних греков. Прежде всего мы знаем, что одним из любимых мотивов в их сказаниях является превращение души в какое-либо растение. Так напр., из крови (субстанции жизни, души) Адониса вырастают анемоны или розы (Ovid. Metam. X, 731); из крови Диониса — гранатовое дерево (Clemens Alex. Protrept. VIII, § 19); из крови Аттиса — фиалки (Arnob. V, 7); то же из крови Иа (Arnobius. V, 16); из крови Архемороса — петрушка (Bötticher. Baumkultus der Hellenen, 267) и т. д. Не менее распространен у них мотив, что души покойников вырастают из могил в виде цветов, травы и кустарников. Души покойников участвуют в празднике *ἀνθεστήρια*, появляясь на могилах в виде ростков и цветов.¹

Далее, мы находим у них почти что универсальным представление, что душа покойника воплощается и продолжает жить в дереве на могиле, и происходящий отсюда обычай погребения под деревом. Как действительно была, по их воззрениям, потребность в дереве для души и как полно было отождествление дерева на могиле с душой покойника видно хотя бы из того, что Платон в «Законах» требует насаждения деревьев на каждой могиле,

¹ Preller-Robert. Griech. Mythologie, I⁴, pp. 405, 785; Wünsch. Frühlingsfest auf Malta, p. 43 sq.; Preller. Demeter und Persephone, 1837, p. 228 sq. См. подробно о произрастании растительности из могил и о превращении души в какое-либо растение: Bötticher. Der Baumkultus der Hellenen, p. 265 sq.; Hepding. Attis, seine Mythen und sein Kult, 1903, pp. 106, 107, 114, 119; Frazer. Adonis, Attis, Osiris, 1927, vol. I, p. 267; A. Koberstein. Über die in Sage und Dichtung gangbare Vorstellung von dem Fortleben abgeschiedener menschlicher Seelen in der Pflanzenwelt. Weim. Jb. I. Bd. 1854, pp. 73—100; R. Köhler. Vom Fortleben der Seelen in der Pflanzenwelt, ibid., pp. 479—483; Mannhardt. Antike Wald- und Feldkulte, 1877, pp. 20—23; Baudissin. Adonis und Esmun, pp. 433—439; Gruppe. Griech. Mythologie, p. 790.

а афиняне присуждали к смертной казни каждого, кто похищал хоть что-нибудь из растительности на могиле героя.¹

Естественным следствием из воззрения, что душа нуждается в каком-либо растении для продолжения жизни, явился у них обычай засаживания могилы растительностью, обычай, который нигде, кажется, так свято не охранялся и нигде не был так распространен, как у них.²

Представление о необходимости растительности для души покойного ярко засвидетельствовано и в дошедших до нас надгробных надписях. Так некоторые из них гласят:

ΑΝΘΕΑ ΠΟΛΛΑ ΓΕΝΟΙΤΟ ΝΕΟΛΜΗΤΩ ΕΠΙ ΤΥΜΒΩ
 ΜΗ ΒΑΤΟΣ ΑΥΧΜΗΡΗ ΜΗ ΚΑΚΟΝ ΑΙΓΙΠΥΡΟΝ
 ΑΛΛ' ΙΑ ΚΑΙ ΣΑΜΨΟΥΧΑ ΚΑΙ ΥΔΑΤΙΝΗ ΝΑΡΚΙΣΣΟΣ
 ΟΥΕΙΒΙΕ ΚΑΙ ΠΕΡΙ ΣΟΥ ΠΑΝΤΑ ΓΕΝΟΙΤΟ ΡΟΔΑ

Пусть растительность обильно произрастает на могиле свежей!
 Не засохший кустарник, не вредная козья пшеница,
 А фиалки, амарак, водяной нарцисс и розы
 Пусть окружают тебя, о Вибий!³

или:

Легка и приятна будь земля Аквилину,
 Пусть благоухающие цветы пышно около тебя произрастают!⁴

или:

Здесь покоится Опатус, дитя благородного права,
 За которого молю: пусть прах его в лилии и розы превратится,
 Чтобы земля, которая мать ему теперь, была ему легка;
 Об этом я молю, ибо никому ведь жизнь этого младенца не была тяжела.⁵

Подобные представления и обычаи были широко распространены также среди римлян.⁶

Я считаю, что, после всего сказанного, первоначальный смысл рассмотренных нами выражений древнеарабских поэтов становится совершенно ясным: обильный дождь должен, как можно скорее, разложить тело и тем самым освободить душу, а пышная растительность на могиле должна дать возможность душе воплотиться и продолжить жизнь.

И. Винников.

Ленинград,
 Февраль 1930.

¹ Bötticher, o. c., p. 288 sq.

² Bötticher, o. c., p. 283 sq.

³ Kaibel. Epigrammata graeca ex lapidibus collecta. 1876, № 548.

⁴ Bötticher, o. c., p. 283.

⁵ Fabretti. Inscriptionum Antiquarum, Cap. IV, n. 186, p. 284.

⁶ Bötticher, o. c., 292 sq.; Preller. Röm. Mythologie, p. 481 sq.